АЛИСА ВОЛКОВА

ТИШИНА МЕЖДУ НАМИ

Алиса Воронова

Тишина между нами

«Автор»
2026

Воронова А.

Тишина между нами / А. Воронова — «Автор», 2026

«Тишина между нами» — это история о безответной любви, которая может сломать, а может — изменить. О том, как трудно отпустить. И о том, что иногда, чтобы найти себя, нужно уйти.«Я всё ещё люблю тебя. Но уже не жду».

© Воронова А., 2026
© Автор, 2026

Алиса Воронова
Тишина между нами

Тишина между нами
Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСЕНЬ

Глава 1. Кофе для двоих

Петербург просыпался медленно, неохотно, словно человек, которому снился хороший сон, а его бесцеремонно разбудили. Октябрь выдался на удивление сухим — редкое явление для города, где дождь считается не погодой, а состоянием души. Небо было чистым, бледно-голубым, как выцветшая акварель, и солнце — бледное, негреющее — висело над крышами, словно забытый кем-то фонарь.

Андрей Воронов стоял у окна своей квартиры на Петроградской стороне, держа в руках чашку с остывшим чаем. Он смотрел на улицу, где дворник в оранжевом жилете методично сгребал в кучу первые опавшие листья. Клён под окнами уже начал желтеть, и его листья — резные, похожие на маленькие звёзды — кружились в воздухе, подхваченные лёгким ветром.

Квартира была небольшой, но уютной в том особом, почти музейном смысле, который бывает у жилищ людей, ценящих вещи за их историю. Старый письменный стол красного дерева — наследство от деда, архитектора, строившего доходные дома в начале прошлого века. На столе — чертежи, рулоны кальки, несколько карандашей разной степени заточенности и небольшая коллекция окаменелостей, которые Андрей собирал в детстве. На стенах — фотографии Петербурга, сделанные им самим: дворы-колодцы, разводные мосты, фасады с облупившейся краской, в которой проступала кирпичная кладка, как старая рана под тонкой кожей.

Он допил чай и посмотрел на часы. Восемь утра. Пора.

Андрей надел пальто — тёмно-серое, немного тесное в плечах, но любимое за то, что в нём было удобно и незаметно, — и вышел на улицу. Воздух был свежим, с той особенной петербургской сыростью, которая пробирается под одежду и остаётся там до вечера. Пахло мокрым асфальтом, кофе из открывшегося где-то вдалеке кафе и почему-то — яблоками.

Он шёл знакомым маршрутом, который знал наизусть: мимо булочной, где по утрам выстраивалась очередь за круассанами, мимо маленького книжного магазина с вечно запотевшими окнами, мимо аптеки, где на витрине висел пожелтевший плакат с рекламой витаминов. Люди спешили на работу, пряча подбородки в воротники, и город наполнялся тем особым гулом, который бывает только в больших городах по утрам — смесью шагов, голосов, шума машин и далёкого звона трамваев.

Кофейня называлась «Северный ветер». Маленькое заведение на углу, с тремя столиками у окна и стойкой, за которой работала девушка по имени Вера — молчаливая, с усталыми глазами и неизменным чёрным фартуком. Она знала Андрея в лицо и знала его заказ наизусть.

— Два капучино? — спросила она, даже не поднимая глаз от кассового аппарата.

— Один с корицей, второй — без, — ответил Андрей, как всегда.

— Для девушки, которая не любит корицу, — сказала Вера без вопросительной интонации.

Андрей кивнул и отошёл к окну, наблюдая, как бариста — молодой парень с татуировкой на запястье — готовит напитки. Пар поднимался над чашками, оседая на стекле кофемашины, и в этом было что-то успокаивающее, почти ритуальное.

Он думал о ней. Как всегда.

Алиса Старикова. Художница. Двадцать шесть лет. Вспыльчивая, смешливая, с волосами цвета мёда и глазами, в которых постоянно плясали какие-то бесенята. Она рисовала иллюстрации для детских книг — яркие, полные жизни и цвета, — и в каждой её работе было что-то такое, что заставляло детей улыбаться, а взрослых — вспоминать, каково это: видеть мир простым и удивительным.

Они познакомились три года назад на выставке современного искусства, куда Андрей попал случайно — пришёл с коллегой, который потом сбежал на свидание, оставив его одного среди непонятных инсталляций и людей в модных очках. Алиса стояла у одной из картин — абстрактного полотна, где синие и зелёные мазки складывались в что-то неуловимо напоминающее морской пейзаж, — и хмурилась, наклонив голову набок.

— Что-то не так? — спросил он тогда, сам не зная зачем.

Она обернулась, посмотрела на него внимательно, словно оценивая, стоит ли тратить на него слова, и сказала:

— Не понимаю, почему все считают это гениальным. Это просто синие и зелёные пятна. Я так могу.

— Можете, — согласился он. — Но вы бы так не сделали.

— Почему?

— Потому что вы бы добавили что-то своё. Что-то живое.

Она замолчала, удивлённо посмотрела на него, и в её глазах что-то изменилось — словно она впервые увидела его, а не просто смотрела сквозь.

— А вы кто? — спросила она.

— Андрей. Архитектор.

— Алиса. Художник. И, кажется, вы единственный человек здесь, который говорит то, что думает.

С того дня они стали друзьями. Не сразу — сначала просто здоровались при встрече, потом начали обмениваться сообщениями, потом — встречаться за кофе. А потом это стало привычкой: каждое утро Андрей приносил ей кофе. Капучино без корицы. Потому что однажды она обмолвилась, что терпеть не может корицу, и он запомнил. Он запоминал всё, что она говорила.

Это было и благословением, и проклятием его жизни.

Бариста поставил на стойку два стакана — картонных, с логотипом кофейни, — и Андрей, поблагодарив, забрал их. Один — свой, с корицей, — он держал в правой руке, второй — её, без корицы, — в левой. Он всегда держал её кофе в левой руке, ближе к сердцу. Глупость, конечно. Сентиментальная глупость, которую он никогда никому не расскажет.

До квартиры Алисы было минут десять ходьбы. Она жила на последнем этаже старого дома на набережной канала Грибоедова — в квартире с высокими потолками, скрипучими половицами и окнами, выходящими на воду. Андрей помогал ей с ремонтом два года назад — сам разработал планировку, сам нашёл мастеров, сам красил стены в тот нежно-серый цвет, который она выбрала. Он тогда провёл в этой квартире больше времени, чем в своей собственной, и каждый раз, приходя сюда, чувствовал странное ощущение — словно это и его дом тоже. Дом, в котором он гость.

Подъезд пах сыростью и старыми газетами. Лифт не работал — как всегда, — и Андрей поднялся пешком на пятый этаж, перепрыгивая через ступеньку. Дверь квартиры была выкрашена в тёмно-синий цвет, и на ней висела табличка, сделанная Алисой собственноручно: «Здесь живёт художник. Не звоните слишком громко, краска ещё сохнет». Табличка висела уже два года.

Он позвонил. Один раз, коротко.

За дверью послышались шаги — быстрые, лёгкие, — и через мгновение дверь распахнулась.

Алиса стояла на пороге, заспанная, в растянутой футболке с пятнами краски и шерстяных носках, которые были ей велики. Волосы растрёпаны, на щеке — след от подушки. Она улыбнулась — той особой утренней улыбкой, которая бывает только у людей, искренне радующихся чему-то простому.

— Ты опять с кофе, — сказала она, отступая в сторону, чтобы пропустить его. — Я же говорила, что не заслуживаю такого отношения.

— Ты говорила это вчера, — ответил он, заходя. — И позавчера. И, кажется, всю прошлую неделю.

— Ну, значит, это правда.

Квартира Алисы была воплощением её самой — хаос, в котором угадывалась своя логика. На полу — разбросанные эскизы, карандаши, тюбики с краской. На столе — чашки с недопитым чаем, книги, альбомы с репродукциями. На мольберте у окна — незаконченная работа: иллюстрация к какой-то детской книге, где маленький лисёнок сидел на краю обрыва и смотрел на звёздное небо. На стенах — её собственные рисунки, пришпиленные кнопками, и фотографии — их совместные фотографии, сделанные в разные годы: вот они на крыше, вот в парке, вот в той дурацкой фотобудке на Невском, где Алиса корчит рожи, а Андрей пытается сохранить серьёзное лицо.

Он протянул ей кофе. Она взяла стакан обеими руками, словно греясь, и сделала глоток.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Ты знаешь, что ты лучший?

— Знаю.

— Скажи это.

— Что сказать?

— Что ты лучший.

— Я лучший, — послушно повторил он, и она рассмеялась — звонко, искренне, так, что у него внутри что-то перевернулось.

Они сели на кухне — маленькой, с круглым столом у окна, из которого открывался вид на канал. Вода была тёмной, маслянистой, и в ней отражались дома напротив — жёлтые, розовые, бледно-зелёные фасады, которые казались нарисованными, а не настоящими. Мимо проплыла лодка, оставив за собой длинный след, который медленно растворялся в воде, как воспоминание.

— Я вчера была на свидании, — сказала Алиса, откусывая кусок от круассана, который достала из бумажного пакета. — С Максимом.

Андрей сделал глоток кофе. Горячий, с корицей — горьковато-сладкий, привычный. Он знал это имя. Максим. Фотограф. Они познакомились в прошлом месяце на какой-то вечеринке, куда Алиса затащила Андрея, а потом сама же и сбежала с этим Максимом, оставив его одного среди незнакомых людей.

— И как? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Он... — Алиса задумалась, отщипывая кусочек круассана. — Он интересный. Много путешествует. Снимает для журналов. Был в Исландии, в Японии, в Марокко. Представляешь?

— Впечатляет.

— Он звал меня в Париж. Говорит, что там сейчас потрясающая выставка иллюстраторов.

— Поезжай.

— Ну, это же не так просто. У меня работа, заказы...

— Алиса, ты всегда найдёшь причину не ехать. Но если хочешь — поезжай.

Она посмотрела на него внимательно, и он почувствовал, что краснеет. Отвернулся, сделав вид, что рассматривает лодку за окном.

— Ты странный сегодня, — сказала она наконец.

— Я всегда странный.

— Нет. Сегодня — особенно.

Андрей промолчал. Что он мог сказать? Что каждое слово о Максиме — это как удар под дых? Что он уже возненавидел этого человека, хотя никогда его не видел? Что он готов отдать всё на свете за то, чтобы она смотрела на него так, как смотрит на этого фотографа с его Исландиями и Марокко?

— Расскажи мне о нём, — сказал он вместо этого. — Что он за человек?

И она рассказала. С упоением, с подробностями, с той радостью, которая бывает у людей, влюблённых в кого-то нового, ещё не разочарованных, ещё не знающих всех недостатков. Андрей слушал. Кивал. Задавал вопросы. Улыбался в нужных местах.

А внутри — внутри что-то умирало. Медленно, тихо, как умирают надежды — без криков и слёз, просто переставая быть.

После завтрака они вышли на улицу. Алиса сказала, что ей нужно в издательство — сдать очередную партию иллюстраций, — и Андрей вызвался её проводить. Они шли по набережной, мимо Горбатого моста, мимо Дома Бенуа с его причудливыми окнами и лепниной, мимо людей, спешащих по своим делам.

Алиса говорила без умолку — о работе, о новой книге, которую ей предложили иллюстрировать, о том, что она хочет попробовать себя в анимации. Андрей слушал, изредка вставляя замечания, и смотрел на неё — на то, как она жестикулирует, как хмурится, когда вспоминает что-то неприятное, как улыбается своим мыслям.

Он любил её. Любил так давно, что уже не помнил, каково это — не любить. Это чувство стало частью его, как цвет глаз или форма рук. Он носил его с собой везде — на работу, домой, в те редкие моменты, когда оставался один. Оно было его тенью, его отражением, его вторым «я».

И она не знала. Или знала, но не хотела знать. Или знала и использовала — нет, не так. Алиса не была жестокой. Она была просто... слепой. Слепой к тому, что было прямо перед ней.

— Андрей, ты меня слушаешь? — спросила она, остановившись.

— Конечно.

— Что я последнее сказала?

— Что хочешь попробовать себя в анимации.

— А до этого?

— Что тебе предложили иллюстрировать книгу про медвежонка, который боялся темноты.

Она рассмеялась.

— Ладно, верю. Ты всегда всё запоминаешь.

— Профессиональная привычка.

— Нет, — сказала она серьёзно. — Это не привычка. Это... не знаю. Ты вообще странный человек, Андрей Воронов. Слишком хороший для этого мира.

Она сказала это легко, не вкладывая особого смысла, — просто как констатацию факта. Но для него это было как нож в сердце. Слишком хороший. Слишком хороший друг. Слишком хороший, чтобы быть чем-то большим.

— Мне пора, — сказала она, останавливаясь у дверей издательства. — Спасибо за кофе. И за компанию.

— Не за что.

Она на мгновение замялась, словно хотела что-то добавить, но потом просто улыбнулась и исчезла за дверью.

Андрей постоял ещё минуту, глядя ей вслед, потом повернулся и пошёл прочь. Куда? Он сам не знал. Просто шёл, не разбирая дороги, мимо витрин магазинов, мимо людей, мимо всей этой жизни, которая продолжалась вокруг него, не замечая его боли.

Он думал о том, что сегодня — как и вчера, как и год назад — ничего не изменится. Он придёт домой, сядет за чертежи, будет работать до ночи. Потом ляжет спать. А завтра утром снова купит два кофе — один с корицей, другой без, — и снова поднимется на пятый этаж, и снова увидит её улыбку, и снова будет делать вид, что всё в порядке.

Потому что это было его жизнью. Тихая, незаметная, безответная любовь.

И он не знал, как из неё выбраться.

Глава 2. Дом на Литейном

Работа была его убежищем.

Андрей пришёл в мастерскую в половине десятого — раньше всех, как обычно. Мастерская располагалась в старом доходном доме на Литейном, в помещении с высоченными потолками и окнами, выходящими во двор-колодец. Здесь пахло бумагой, графитом и немного — пылью, которая столетиями оседала на стенах.

Он развернул чертежи. Доходный дом купца Ерофеева — памятник архитектуры начала девятнадцатого века, — который сейчас реставрировали по его проекту. Фасад был в плачевном состоянии: лепнина осыпалась, штукатурка отслаивалась пластами, как старая кожа. Но под всем этим ещё угадывалась первоначальная красота — строгие пропорции, изящные линии, что-то такое, что заставляло сердце биться чаще.

Андрей любил старые здания. Любил их так, как другие любят людей, — за характер, за историю, за шрамы. Он мог часами стоять перед облупившимся фасадом и представлять, как этот дом выглядел сто лет назад: ярким, нарядным, полным жизни. Как по его лестницам поднимались люди в сюртуках и платьях, как в его окнах зажигались свечи, как в его стенах рождались и умирали, любили и страдали.

Каждый дом был для него книгой. И он читал эти книги с упоением.

— Андрей Николаевич, — окликнул его помощник, молодой парень по имени Костя, — там заказчик звонил. Спрашивал, когда будет готов эскиз.

— Скажи, что к пятнице.

— Он недоволен. Говорит, что слишком долго.

— Пусть будет недоволен. Я не могу работать быстрее, не потеряв качество.

Костя кивнул и ушёл. Андрей снова склонился над чертежом.

Он работал до обеда, потом сделал перерыв — сходил в соседнюю пекарню за пирожком с капустой, — и снова вернулся к работе. День пролетел незаметно. Такие дни были его любимыми: когда можно было погрузиться в дело с головой и не думать ни о чём другом.

Но вечером, когда он возвращался домой, мысли снова вернулись. Они всегда возвращались.

Он думал об Алисе. О том, как она смеялась сегодня утром. О том, как держала стакан с кофе обеими руками, словно греясь. О том, как сказала: «Ты слишком хороший для этого мира».

Он думал о том, что, может быть, это и есть его проклятие. Быть слишком хорошим. Быть тем, кого любят, но не любят так. Быть другом, а не мужчиной. Быть пледом.

Дома он сел за стол и достал старую коробку с фотографиями. Не специально — просто рука сама потянулась. Он открыл её и вытащил первую фотографию, которая попалась под руку.

На ней был дед. Высокий, сутулый, с седой бородой и глазами, в которых всегда пряталась усмешка. Он стоял на строительных лесах, держал в руках чертежи, смотрел на город с высоты.

Андрей помнил его руки. Большие, сильные, с мозолями на пальцах, — руки человека, который всю жизнь работал. Дед учил его держать карандаш, читать чертежи, видеть за фасадом историю. Дед учил его любить город не за красоту, а за шрамы.

— Каждый дом, — говорил дед, — это человек. У него есть характер, есть привычки, есть боль. Если хочешь его понять — смотри не на то, что он показывает, а на то, что он прячет.

Андрей тогда не понимал. Теперь — понимал слишком хорошо.

Дед умер, когда Андрею было двадцать. Он оставил ему квартиру, мастерскую, коллекцию окаменелостей и записную книжку, в которой были записаны адреса домов, которые он хотел бы отреставрировать, но не успел. Андрей иногда брал эту книжку, листал страницы, исписанные мелким почерком, и думал о том, что дед тоже когда-то любил. Тоже ждал. Тоже, может быть, страдал.

Он не знал подробностей. Дед не рассказывал. Но в его глазах иногда было что-то такое — глубокая, тихая грусть, — что Андрей теперь узнавал в себе.

— Ты похож на меня, — сказал ему дед однажды. — Тоже будешь страдать молча.

Андрей тогда засмеялся. Теперь — нет.

Глава 3. Мать

Алиса редко говорила о матери.

Это была та тема, которую она обходила стороной — даже с Андреем, даже в те моменты, когда казалось, что она готова рассказать всё. Она могла говорить о работе, о мужчинах, о детстве, о страхах, — но когда речь заходила о матери, она замолкала. Словно там была стена, которую она не хотела переступать.

Андрей знал только факты. Мать Алисы, Елена Старикова, была художницей. Она умерла, когда Алисе было шестнадцать, — от рака, который обнаружили слишком поздно. Она рисовала иллюстрации для детских книг — так же, как потом Алиса. И она была, по словам Алисы, «лучшим человеком на свете».

Однажды — это было зимой, в тот первый год их дружбы, — Алиса напилась. Они сидели в баре на Рубинштейна, пили дешёвое вино, и она вдруг сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.